

В его дневнике за 1910 г. есть заметка о том, что он стал заниматься в своей комнате гимнастикой и уронил на себя шкаф с платьем. «То-то, старый дурень!» — прибавляет при этом Лев Николаевич.

В 1910 г. Лев Николаевич еще играл в городки, пилил дрова, ежедневно выносил на помойку грязное ведро из своей комнаты, ежедневно ездил не менее, чем по 10—15 верст верхом и т. д.

Жизнеспособность его была удивительна.

Лев Николаевич очень любил маленькие технические усовершенствования. Я наблюдал не раз, как он любовался какой-нибудь вещицей, усмехаясь про себя на ее замысловатость. Близкие знали за ним эту слабость и иногда дарили ему разные вещицы. Так, он имел: механическую чинилку для карандашей (от А. Б. Гольденвейзера), вращающийся на подставке столик (от Чертковых), такую же этажерочку (от П. А. Сергеенко), раздвижную трость-стул (от него же), термос, золотое перо с резервуаром для чернил (от В. Г. Черткова) и пр.

София Алекс. Стахович подарила ему однажды карандаш, снабженный маленькой электрической батареей и лампочкой на конце, чтобы писать ночью. Она знала привычку Льва Николаевича записывать свои мысли даже ночью, просыпаясь от сна. Но карандаш очень быстро испортился и лампочка перестала гореть. Лев Николаевич был огорчен этим обстоятельством, как ребенок.

Лев Николаевич был бесконечно добр к своим друзьям, последователям, помощникам, секретарям и т. д. И при этом держался со всеми на равной ноге.